

УДК 316.77-027.21

© Горбунов А.С.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ В ОБЩЕСТВЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается воздействие средств массовой коммуникации (СМК) на государство, властные институты и политические процессы в контексте системных социальных изменений. Массовая коммуникация выявляется в качестве источника перерождения власти и системы социальных институтов, приобретающих новые черты. Поставлен вопрос о развитии личности и государства с учетом дальнейшего роста влияния СМК.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации (СМК), общество, государство, личность, власть, свобода, политика.

© A. Gorbunov

STATE AND POLITICAL INSTITUTES IN THE SOCIETY OF MASS MEDIA COMMUNICATION

Abstract. Mass media communications influence the state, power institutions, political processes is considered in this article in association of system social evolution. Mass media communication is revealed as a source of regeneration of the power and the system of social institutions acquiring new features. The problem of progress development of personality and the state is risen taking consideration the further increase of the influence of mass media.

Key words: mass media, society, the state, personality, power, freedom, politics.

Социальные институты как основа жизнедеятельности современного человека прошли сложный путь развития, что в конечном итоге привело к появлению многоуровневой и разветвленной структуры конгломератов того или иного аспекта социальности – системы устойчивых общественных институтов. При этом по устоявшейся традиции сами эти институты и их взаимодействие воспринимаются в том виде, в котором они обычно представлены в учебниках и учебных пособиях по социологии. Действительно, на протяжении жизни человек имеет многочисленные добровольные или вынужденные связи с институтами (здравоохранения, образования, политико-государственными, правоохранительными, экономическими) и многими другими. Возможности «обойти» их тотальную данность для любого отдельного члена общества не существует.

Однако имеет место развитие – развиваются как сам институциональный состав, так и деятельность уже существующих институтов. Социальные институты, принципы их функционирования, формы и содержания их деятельности сегодня уже далеко не те, что были три или даже два десятилетия назад.

Одним из самых значимых и сравнительно поздних приобретений общества стали средства массовой коммуникации (СМК), довольно стремительно проделавшие путь от «листочков», извещавших с определенной периодичностью подданных о важных событиях и государственных решениях, до всеохватной глобальной информационной сети, распространяющей свои содержания ежесекундно и повсеместно.

Теперь уже очевидно, что СМК обладают рядом особенностей, не только характеризующих их как самостоятельное явление, но и существенно выделяющих их, позволяя

утверждать: СМК принадлежит ключевая роль в нынешнем общественном бытии. Не на последнем месте среди подобных особенностей проявляет себя способность оказывать воздействие на иные общественные институты и всю их структуру.

Рассматривая деятельность государственных, политических, политико-правовых, образовательных, религиозных, культурных институтов нельзя не заметить, что все они на данный момент пронизаны влиянием со стороны СМК. Более того, сама их деятельность в современных условиях становится во многом возможной, а тем более эффективной только на основе пассивного и (или) активного включения в масс-коммуникационные потоки.

Сегодня невозможно помыслить себе существование и функционирование государства, государственной власти вне масс-коммуникационного контекста. По существу, большинство уже давно привыкло отождествлять государственную власть с «людьми из телевизора» (представителями высшей власти), с репортажами, которые ведутся из правительства, министерств, с брифингами, интервью, которые дают журналистам представители власти, а также аналитическими обзорами властной деятельности, производимыми для массовой аудитории.

Власть сегодня общается с населением прежде всего посредством СМК. Обладая широкими возможностями «приближать» и интерпретировать доставляемую потребителю информацию, они предоставляют массовой аудитории не саму по себе власть как таковую, но тот ее образ, который выгоден власти имущим по политически конъюнктурным соображениям.

Непосредственное же ознакомление с реальными представителями государственных структур производится отдельным гражданином от случая к случаю вследствие возникновения той или иной острой практической необходимости. Случается это далеко не со всеми членами общества и даже не с его большинством. Большинство имеет «доступ» к власти и образу этой власти, когда вступает в пассивную коммуникацию с ней в качестве потребителя информации, распространяемой по масс-коммуникационным каналам.

К примеру, жители столицы России долгое время имели возможность регулярно видеть мэра Москвы в программе «Лицом к городу». Мэр существует в сознании москвичей именно в той интерпретации, которая создается многочисленными московскими и федеральными СМК. Другое восприятие, конечно, возможно. Но прежде чем оно появляется, возникает значимый фактор в масс-коммуникационном пространстве, определяющий изменение восприятия. Так, в самом конце 90-х годов прошлого столетия возник феномен тележурналиста С. Доренко, посредством главного телеканала страны обрушившего беспрецедентную критику, переходящую в клевету, в адрес московского градоначальника. На какое-то время массовый потребитель информации был вовлечен в потребление иной стороны столичной действительности и городская власть была в его глазах другой, совсем другой.

Прошедшее с тех пор время не было потрачено московскими властями напрасно. Методично и планомерно информационный конструкт, являющийся мифологизированным образом заботливых муниципальных руководителей и начальников был воссоздан. Важно здесь то, что ни описание московской власти, предложенное Доренко, ни тот образ, который рождается по ее же инициативе, не соответствуют действительности. В результате рядовой москвич не имеет адекватного представления о городских властях. Подобное же суждение еще в большей степени справедливо в отношении федеральных властей, так как от них рядовой член общества находится на еще большем удалении.

Даже в случае непосредственного контакта гражданина с государственным служащим он (этот контакт) несет на себе заметный отпечаток масс-коммуникативного воздействия. С одной стороны, чиновник усваивает модель поведения, неоднократно пред-

ставленную на телеэкране, в Интернете, на газетной полосе. С другой, обратившийся к нему гражданин априори уверен в незыблемости стереотипного образа чиновника (или милиционера), созданного в масс-медийном пространстве. В результате – уже заданы искаженные рамки общения человека с той или иной государственной структурой.

Однако в обозримом будущем любой человек вообще вряд ли сможет вступить в прямое общение с государством. К тому же есть инициатива, активно продвигаемая российским президентом Д.А. Медведевым и поддерживаемая правительством, которая призывает освободиться от какого-либо непосредственного контакта с населением путем создания так называемого «Электронного правительства». Словом, рассмотрение всех запросов, жалоб, просьб, требований, конфликтных ситуаций, предложений предполагается перевести в режим переписки гражданина с государственным органом по сети Интернет [2, 3].

В реальности, помимо деbüroкратизации и борьбы с коррупцией, это будет означать возрастание анонимности власти, государственных институтов, их виртуализацию, отчужденность от общества и окончательное превращение в субъекта, существующего исключительно на одной из сторон масс-коммуникационных каналов (телевизионного, сетевого, радионного, печатного).

Если же говорить о политической системе в целом, то она такова, что любая политическая сила сегодня определена характером и степенью вовлеченности в масс-коммуникационный процесс. Абсолютное электоральное большинство знакомо лишь с теми политическими силами, которые имеют регулярное «представительство» в СМИ, в первую очередь электронных. Это означает полную невозможность для участия в политическом процессе тех политиков и политических объединений, которые не имеют доступа к массовой коммуникации.

По сути современный политик как участник политического процесса, в еще большей степени, чем представитель государства (политик получивший власть) является виртуальным субъектом, представляющим такого, виртуального же политического мегасубъекта, как парламентская партия. Однако если говорить о политическом процессе серьезно, то любой политик заслуживает упоминания теперь лишь постольку, поскольку ему удалось добиться упоминания о себе в СМК. И чем больше таких упоминаний, тем больше шансов у данного политика добиться успеха.

Борьба за власть означает борьбу за ключевые властные институты. Осознавая в качестве одного из таковых СМК, следует признать, что политическая жизнь, политическая борьба сегодня немыслимы без соперничества в области занятия и удержания передовых масс-коммуникационных направлений. Однако до сих пор имеет место известное и консенсусно принимаемое лицемерие, когда при помощи различных эвфемизмов и постоянной фигуры умолчания процессы, происходящие в медийной среде, пытаются назвать либо хаотичными, либо вызванными «законами рыночного развития», либо «общими тенденциями развития СМК».

Но это совсем не так. А для ясности здесь уместно перефразировать известные слова, сказанные в начале XX века: «Всякая власть сегодня чего-нибудь стоит, если она умеет информационно защищаться». Информационно незащищенная власть недолговечна. Она становится легкой добычей противоборствующих сил и под активным информационным воздействием неподконтрольных ей ведущих СМК обречена. Вспомним! Натиск либеральной и социал-демократической прессы сыграл большую роль в «расшатывании» императорской России. С помощью воздействия либеральной прессы, телевидения и радио были в считанные годы диффамированы основы и позднесоветского строя.

Нынешняя российская государственность извлекла некоторые уроки. Поэтому совсем не случайно нескольким атакам подверглись олигархические структуры, уста-

новившие в 90-е годы прошедшего столетия непомерную власть над ведущими телевизионными каналами страны – Б. Березовским (Первый канал) и В. Гусинским (НТВ). Непримиримые и влиятельные противники установившегося режима были лишены прямого мощного канала воздействия на массовое сознание. И здесь одна из причин того, что режим оказался довольно устойчивым.

Жители Российской Федерации за последнее десятилетие успели убедиться в эффективности СМК, создающих образ правящего лица государства и ведущей политической партии. Не уходя в оценочную плоскость, следует заметить, что ресурс народного доверия, выражаемый в устойчиво высоких рейтингах как для предыдущего президента В.В. Путина, так и для нынешнего президента Д.А. Медведева создавался во многом благодаря усиленным, методичным и планомерным воздействиям СМК (в первую очередь электронных) на массовую российскую аудиторию. Еще в более значительной степени данное утверждение относится к выдвижению в качестве ведущей политической партии «Единой России», уверенно занимающей первое место на всех региональных и федеральных выборах в местные и общенациональные законодательные органы.

Не верно думать, что вышесказанное относится преимущественно к российской социальной действительности. Процесс «перемещения» власти, государственных и политических институтов в сферу массовой коммуникации имеет глобальный характер. Политический класс, ведущие партии давно уже ведут борьбу на масс-медийных полях. Доступ к эфиру определяет возможность этих сил воздействовать на те социальные слои (большинство общества), которые А.Г. Дугиним в одной из его статей были охарактеризованы как «телемасса». «Виртуальная масса состоит из телезрителей. Всё, чем они живут, это плоскость телеэкрана. В этой плоскости есть потребление, события, желание, вождение, фрустрация, наслаждение, насыщение, выбор, борьба, победа, поражение. В этой плоскости их жизнь. Телевизор – это судьба, говорят телемассы (говорят телемассам!). Всё, что делают телемассы, делает за них телевизор. Это дистанционная игра. Никогда ранее в истории массы не были точными эквивалентами физического определения массы, которая характеризуется одним качеством – инерцией. Телемассы в этом смысле идеальны, кроме инерции у них ничего нет. Вместо классового интереса, базиса или остатков коллективного бессознательного, связанного с культурой и традицией, у телемасс лишь следы прошлой передачи. Они прикованы к экрану, как говорил Ги Дебор, крепче, чем каторжник к кандалам» [1].

Совершенно справедливо А. Дугин указывает и на качественное перерождение самой массы в результате подобного воздействия. «В обществах модерна массы есть и играют роль субъекта. Модерн создан для масс. Вспомним «*societe des masses*» и Ортеги-и-Гасета. В постмодерне массы есть, но их нет. Они всё, но они и ничто. Они переходят в новую реальность, становятся виртуальными массами». И всё же! Если рассматривать влияние масс-медиа на государственные и политические институты, а также на политическую систему и политические процессы в целом, то надо выделить несколько важнейших аспектов.

Во-первых, СМК сами по себе являются одним из важнейших властных институтов. Основная проблема состоит в том, что современные социологи, социальные философы, и, может быть – в первую очередь, правоведы, не ставят во всей остроте вопрос, заявленный в самом словосочетании «четвертая власть», которое закрепилось в качестве общепотребимого понятия сначала в Латинской Америке XX века.

По свидетельству шотландского философа Томаса Карлайля, уже в конце 18 века британский политик и философ Эдмонд Берк заявил, выступая в парламенте, что «есть три власти; но на пресс-галерее представлена четвертая власть (The Fourth Estate), более значительная, чем все они» [4].

Приблизительно через столетие понимание все возрастающего влияния масс-медиа выразилось, в частности, в следующей мысли американского политика Джона Калоуна: «Общественное мнение и его орган — пресса... уже достигли в цивилизованных странах такой силы, что ее чувствуют правительства этих стран — но это ничто перед тем, каков в будущем будет размах их влияния» [3, 43-44]. Следует признать, что Калоун неплохо прогнозировал будущее.

Тридцатью годами позже лорд Эктон написал: «Власть журналистики... заставляет людей действовать не в зависимости от собственных познаний, но от мнений других людей... Почти все нынче отдают свою совесть и здравый смысл в залог посторонним» [5].

Наличие в обществе еще одной власти вербально, да и фактически, признано не сегодня, это так; однако осмысление данного феномена ведется обрывочно и бессистемно. Нет никаких попыток хоть в какой-то мере начать правовое оформление деятельности «четвертой власти» в связи с устоявшимися понятиями конституционного демократического общества. Словом, сложилась парадоксальная ситуация – роль масс-коммуникационных каналов во всех областях жизни, в том числе государственной и общественно-политической нарастает, но этого фактически стараются не замечать. Действительно: в обществе наличествует важнейший многогранный и многовекторный институт, являющийся субъектом по отношению к большинству значимых социальных процессов, а оно продолжает его воспринимать как нечто заурядное в длинном ряду социальных объектов. Речь должна вестись об обязывающей общественной дискуссии по данному поводу, о подходах юридической науки, политологии, политической практики, государственной власти.

Во-вторых, СМК радикальным образом видоизменяют государственные и политические институты, во многом изменяют саму структуру функционирования государственной власти, придают новый формат политической системе. Сегодня для большинства власть – это не то, что находится по ту сторону кремлевской стены, но то, что находится по ту сторону телевизионного экрана или монитора компьютера. Президент – главный (любимый или нелюбимый) телегерой. Премьер-министр – еще один телегерой. Есть герои и поменьше – министры, губернаторы, мэры, главы местных образований. Общение с рядовыми гражданами всеми ими осуществляется в опосредованной масс-коммуникационным пространством форме.

В-третьих, допуская, что публичный политик зачастую выполняет роль послушного функционера в руках политико-финансовой группировки, делегировавшей его в «массовый оборот», становится ясным, что в таком случае он выполняет роль политического шоумена, точнее, роль коммуникатора, доводящего до массы, потребляющей информацию те идеи и концепты, что принадлежат отнюдь не ему самому. По сути политик все больше становится коммуникатором и отчасти артистом – при помощи его голоса, внешности, обаяния можно добиться успешного позиционирования в СМК, а следовательно, и продвижения в массовом сознании тех или иных идей.

Именно этим вызвано общее снижение уровня политических деятелей. Так, последний слой западных политиков старой формации, принимавших участие (разной степени) в принятии решений, завершает деятельность. В связи с совершенствованием системы СМК потребность в них отпала. Им на смену идет новая формация политических деятелей, самым ярким из которых, выразителем тенденции можно признать избранного в США «скороспелого» сенатора из Иллинойса Барака Обамы.

На нынешнем этапе Обама выполнил роль политического Майкла Джексона – другой «звезды», которая была смоделирована гигантами медиабизнеса на основе изучения предпочтений большинства аудитории. Никакой позитивной программы, кроме призыва к «переменам» у сенатора Обамы не было. Однако была молодость, ощущение «своего

парня», которое испытали к нему миллионы представителей национальных групп и яркий образ альтернативности по отношению к «неудачнику Бушу».

Преимущественное присутствие Обамы в сети Интернет и на телевидении (в дни, предшествующие голосованию, все ведущие телеканалы США показывали часовые (!) рекламные фильмы о темнокожем претенденте) было единодушно признано всеми обозревателями как беспрецедентное информационное давление со стороны штаба одного из кандидатов по отношению к предвыборным кампаниям прошлых лет. Однако многочисленные политологи, словно сговорившись, при обсуждении «феномена Обамы» предпочитали обходить стороной такой весомый фактор его победы, как значительное преимущество в СМИ и безоговорочная поддержка со стороны большинства ведущих американских изданий, каналов и агентств.

Автор статьи намеренно в данном случае рассмотрел эпизод зарубежной политической практики, чтобы не быть обвиненными в предвзятости. И вместе с тем, учитывая указанную персоналию, данный эпизод является во многом эпохальным, и как всегда в таких случаях, сопровождается наглядным набором признаков, характеристик, служит благодатной почвой для исследователя социальных явлений.

Кроме того, избрание на пост президента явного коммуникатора, но никак не политика, обладающего опытом реальной политической деятельности (чем, кстати, при всех вопросах к нему, обладал соперник Обамы Маккейн) произошло в одной из ведущих мировых держав, несмотря на все трудности, пытающейся сохранить статус единственной сверхдержавы.

Масс-коммуникативный характер современной власти по существу был «затвержден». Чем стала власть? Чем становится государство? Во что превращена политика? Вот те важнейшие социально-философские вопросы, которые возникают вместе с окончанием переформатизации легитимных властно-государственных институтов, тотального включения их генезиса и социального бытия в масс-коммуникационную среду. Если власть осуществляется посредством коммуникатора, значит, ее источник находится у тех, кто владеет СМИ или имеет возможность самым радикальным образом влиять на них.

Значительные изменения произошли и на другом полюсе масс-коммуникационных отношений. Сформирован новый человек массы. Следует согласиться с исследователями, полагающими произошедшим переход социальной массы в новое качество. О массах Х. Ортеги-И-Гассета, перед которыми он испытывал почти мистифицированный ужас, и даже об «одномерном человеке» Г. Маркузе следует говорить как об оценочном аппарате прошлого.

Движение сегодняшней социальной массы сопряжено с коренным видоизменением человека, когда окончательно распадается его форма, складывавшаяся на протяжении двух с половиной тысяч лет христианской и протехристианской античной культуры. При этом сфера государственных и политических институтов является одной из тех зон общественного бытия, в которых наиболее зримо происходит несформулированный самим человеком вольно-невольный отказ от основных черт этой формы человеческого бытия, называемой обычно словом «личность». Человек стоит на грани утраты таких своих характеристик, как индивидуальность, свобода и свободная воля, самосознание, система традиционных ценностей.

В большинстве случаев даже самый неординарный человек, наделенный высокими сознательно-волевыми качествами, вынужден признать, что подчас имеет возможности далее эффективно противостоять определяющим общественным тенденциям. А они, в свою очередь продуцируются, формулируются и в концентрированном виде отображаются СМИ. Если нет самосознания, ощущения необходимости осуществлять личностную свободу (по сути, а не в форме выбора навязанного потребительского тотэма), отсут-

твует система каких бы ты ни было устойчивых ценностей – невозможно и адекватное участие человека в государственной и политической жизни. Вернее, сам он не испытывает никакой потребности в ней участвовать, но с легкостью соглашается на роль зрителя медийного спектакля, имитирующего деятельность государства и политическую жизнь.

В нынешнем государстве коренным образом изменился как субъект государственного влияния, так и его объект. По существу главным и единственным признаком вхождения в элитарный круг, от имени которого осуществляется власть, стало попадание в сферу массовой коммуникации. Именно в телеэфире происходят сегодня посвящение, легитимация, утверждение, сакрализация... «Четвертая власть» не только активно вошла в государственно-политическую жизнь, не только оказывает решающее влияние на восприятие управленческих и политико-процедурных вопросов массовым обществом – помимо этого она переформатировала принцип складывания, легитимации и самой деятельности властных институтов. Сегодня обладание силовым ресурсом, даже в сочетании с финансовым обеспечением само по себе не гарантирует той или иной властной группировке хоть сколь-нибудь стабильного существования, а тем более устойчивой власти.

Исходя из сказанного следует признать – в сложившейся ситуации существует только два пути развития. Или *СМК окончательно утвердят* свое монопольно-анонимное положение мегаманипулятора, а масс-коммуникационное влияние, по логике глобального развития, будет сосредоточено в руках глобальной олигархии. Или *общество найдет в себе силы поставить вопрос* о введении деятельности СМК в четко очерченное правовое русло, которое будет подразумевать их общественное бытие в формах, обеспечивающих интересы всего социума. У каждого конкретного государства при таком развитии событий появится шанс на оздоровление государственно-политической жизни, ее реальную демократизацию в изменившихся условиях, а также сохранение собственной идентичности.

Отдельный же человек запальчиво названный когда-то Аристотелем «политическим животным», получая возможности соучастия и осведомленности в гласно формируемых СМК, возвратит себе одну из степеней первичной социальной свободы – политической свободы. И, шире – получит некоторые гарантии по защите своего сознания от целенаправленных воздействий, осуществляемых без его ведома на уровне контроля и обладания СМК.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Интеллектуалы и интеллигенты // Литературная газета 14.04.2007.
2. На расстоянии. Российская газета. N 4972 от 12 августа 2009 г.
3. Calhoun J. C. A Disquisition on Government // Union and Liberty: The Political Philosophy of John C. Calhoun / Ed. by Ross M. Lence. Indianapolis: Liberty Fund, 1992.
4. Carlyle Th. The Hero as Man of Letters. 1840.
5. Lord Acton, from a letter to Mary Gladstone, June 1, 1880 // Essays in Religion, Politics and Morality: Selected Writings of Lord Acton. Vol. III / Ed. by Rufus Fears. Indianapolis: Liberty Classics, 1988.